

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Роджер Томас Белл (Великобритания) — профессор Вестминстерского университета, где переводчик книги училась, также преподаватель Ланкастерского университета — известен российским лингвистам по вышедшей в 1980 году книге «Социолингвистика» в переводе В.А. Виноградова под редакцией А.Д. Швейцера. Книга «Translation and Translating» — «Перевод: процесс и продукт» была подготовлена в 1988 году на основе читаемых автором на протяжении ряда лет лекций и впервые опубликована в 1991 году.

Для представления книги Р. Белл приезжал в Россию по приглашению Ассоциации прикладной лингвистики Санкт-Петербурга, был тепло принят на филологическом факультете Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, выступал с докладом на Федоровских чтениях на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Одним из лейтмотивов книги является мысль о необходимости окончательно преодолеть разобщенность лингвистов и теоретиков перевода и поставить теорию перевода на твердую лингвистическую основу.

Между англоязычной и русскоязычной традицией теории перевода, как известно, слишком долго была слабая перекрестная связь. Книга Р. Белла делает важный шаг в исправлении этой ситуации. Она предлагает русскоязычному читателю возможность расширить понимание процесса перевода и увеличить количество доступных инструментов для выработки собственного подхода.

«Перевод: процесс и продукт» — это книга, которая дает представление о процессе перевода с психолингвистической / когнитивной точки зрения, как об интегрированной модели и подкрепляет, уточняет и совершенствует базовую терминологию в этой области [Baker, 1998]. Например, Р. Белл вводит слово «продукт», которое демонстрирует психолингвистический / когнитивный подход автора к переводу и с точки зрения русского языка более правильное, чем применяемое ныне слово «результат». Так, Русский семантический словарь [Шведова, 2003: 161, 573] в толковании слова «продукт» приводит и такое: «Продукт интеллектуального труда», а также: «Книга — продукт многолетнего труда», «Продукт ума, творчества», «Продукт фантазии», «Современный язык — продукт исторического развития». Что же касается принятого во многих лингвистических

работах слова «результат» по отношению к переводу, то оно гораздо дальше от перевода и более разнообразно по значению. Обратимся опять к упомянутому словарю. Он так толкует это слово: «Результат исследований», «Результат конкурса», «Положительные результаты», «Результаты общих усилий», «Результат эксперимента» и т.д.

В книге объясняется интегрированная модель процесса перевода. Подобная модель локализована в пределах глобального информационного обмена и области человеческой коммуникации и опирается на психологию и лингвистику. Рассматривается традиционное значение слова и предложения, семантический смысл и коммуникативная ценность, и определяется для каждого из этих понятий место в функциональной модели языка, связывая эти понятия с текстом и дискурсом.

Структура книги отражает лежащее в основе ее убеждение: прежде всего необходимо, как с теоретической, так и с практической точки зрения, описать и объяснить процесс перевода. Во введении автор подробно рассказывает о построении книги, состоящей из трех частей: модель, значение, память, о содержании отдельных глав. В первой части, в ответе на вопрос «Что такое переводчик?» автор формулирует очень важное понятие переводческой компетенции. Обращает внимание на необходимость для переводчика развивать умения и навыки порождения текста, а не только чтения и восприятия его. Наконец, рассматривается понятие «память». Здесь в фокусе находятся два фундаментальных аспекта информации, памяти и знаний, которые являются решающими для любого понимания процесса перевода: специфический вопрос обработки текста и более общий, но связанный с ним вопрос хранения и извлечения информации.

Интересно, что заключает книгу рассуждение Р. Белла о необходимости при профессиональной подготовке и переподготовке переводчиков вести дневник. Здесь сразу возникает ассоциация с довольно традиционными, например, записными книжками редактора, журналиста. Приведем также пример серии записных книжек П.Р. Палажченко — дипломата, переводчика, руководителя отдела международных связей и контактов с прессой в Горбачев-Фонде. В них размышления на стыке теории и практики, советы, основанные на опыте многолетней работы. Жанр записной книжки (в современном формате по выбору) — это наблюдение в записках об эволюции современной речи и рекомендации по переводу актуальной лексики (в частности, пары английский — русский).

Сегодня можно сетовать на то, что при изобилии отечественных трудов по теории перевода имеет место дефицит на собственно теоретические работы. Большинство имеющихся книг за редкими исключениями

содержат описание опыта перевода или выжимки из теории перевода с упражнениями на перевод.

Труд Р. Белла — теоретическая работа, целью которой является создание и обоснование интегрированной модели процесса перевода на основе системного рассмотрения языка. Она может рассматриваться как возможный подход к изучению перевода как «деятельности» — процесса и как продукта.

Книга написана с учетом интересов переводчика-практика, преподавателей перевода и иностранных языков, студентов, будущих лингвистов и переводчиков. Несмотря на относительный «возраст» по меркам динамично развивающейся теории перевода, основная идея книги по-прежнему актуальна: помочь переводчикам понять, чем они занимаются, помочь мыслить и разрабатывать для себя стратегии перевода. Она сохраняет созвучие времени, продолжает цитироваться от Австралии до США и от Италии до Японии.

Хотелось бы высказать благодарность члену-корреспонденту Российской академии наук, профессору В.А. Виноградову (1939–2016) — переводчику книги Р. Белла «Социолингвистика» за поддержку, положительный отзыв на перевод и ценные замечания.

Отдельная благодарность лауреату золотой пушкинской медали Союза переводчиков России, британской переводчице и преподавателю перевода Эйвор Фогарти. В настоящей предисловии нашли свое место выказанные ею в ходе обсуждений ценные соображения о международной ситуации в переводе и современном позиционировании книги Р. Белла «Перевод: процесс и результат».

Эйвор Фогарти

Перевод публикуется в память знавшего Р. Белла А.А. Девеля — члена Союза переводчиков России и Союза журналистов России.

Список литературы

Baker M. Psycholinguistic / cognitive approaches. R.T. Bell. // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M.Baker (ed.). London, New-York, 1998.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2003.

Людмила А. Девель
Санкт-Петербург

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга писалась постепенно на основе первоначальных вариантов ее частей, появившихся в период 1984–1990-х годов в качестве учебных материалов и докладов, а целиком была собрана как полный первый черновой вариант за пять недель работы в Ланкастере в августе и начале сентября 1988 года. Время и место были примечательны. Ланкастер оказался во многих отношениях идеален для работы: тишина и дождливое, холодное лето 1988-го. Искушения выйти на улицу преодолеть было не надо.

Я отчетливо ощущал «технологическую поддержку», когда писал. Я набирал текст на компьютере, а Лондонский Центр погоды сделал мне подарок: по радио и телевидению ежедневные прогнозы, такие для меня желанные: ливневые дожди перемежающиеся прояснениями, а возможно и без прояснений — и Радио 3 передавало замечательную «музыку для работы».

Я благодарен ряду организаций за помощь в создании этой книги. Особую признательность выражаю Британскому Совету за оказанную поддержку, которая позволила мне в течение последних шести лет проверить некоторые изложенные в книге идеи в Бразилии, Греции, Гонконге и Пакистане.

При написании любой книги, библиотекари всегда занимают незаметную, но решающую роль. Мне бы хотелось выразить особую признательность всегда готовому прийти на помощь квалифицированному персоналу библиотеки Вестминстерского университета и библиотеки Дома Совета Лондонского университета.

Я особенно благодарен своим коллегам с факультета иностранных языков Вестминстерского Университета и Алану Коллинзу с кафедры психологии Ланкастерского университета, а также тем, кто великодушно согласился детально проанализировать первые варианты рукописи: Веру Адамсон, Криса Кандлина, Марка Хилтона, Карла Джеймса, Риккардо Стейнера. Я особенно благодарен Данкену Беллу, Джуди Боулс и Сьюзен Грант, которые произвели тщательную вычитку текста.

Наконец, мне необходимо поблагодарить Алиду Бакстер, Стеллу Бортони, Джона и Энн Корселлис, Иена и Джен Ранкин, Раса и Джил Рассел, Эрика Хатчисона, Каролин Лардж и Джоела Райса-Менухина, каждый из них по-своему способствовал появлению этой книги.

Есть и много других людей, без чьей поддержки было бы невозможно написание этой книги, — в особенности это мои бесконечно терпеливые студенты. Всем им, названным и неназванным, я искренне благодарен за интересные предложения и снимаю с них обвинения за недостатки этой книги; они, конечно же, связаны исключительно со мной.

*Роджер Т. Белл
Ланкастер и Лондон
1989*

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Для кого-то, кто профессионально занимается концептуализацией и организацией программ повышения квалификации в области Прикладной лингвистики (и под этим я подразумеваю не только просто преподавание языка), дисциплина «Перевод» всегда создавала проблему. Главным образом, как я подозреваю, потому что представлена двумя понятиями (равно непостижимыми для непосвященных): «цех» и «секрет». Цех объединяет мастеров своего ремесла и подмастерьев, познающих свой путь,двигающихся по предоставленной им лестнице, и в результате из подмастерья получается *meister*, скромный, несмотря на превосходство своего опыта и оцениваемый по своим работам. Принадлежность цеху означает обязанность хранить секреты и сохранять тяжело завоеванные права. Секреты, потому, что процесс все-таки оставался тайной, собственностью цеха, который (если только это не стало достоянием утилитарного мира) по крайней мере сам расширял отрасль, преобразовывал слова в золото посредством лексической алхимии.

Хотя обозначенные проблемы профессиональны, они тем не менее понятны, так как мы все время вовлечены в перевод, если не с языка на язык, то с диалекта на диалект, с регистра на регистр, со стиля на стиль. Перевод был и остается профессией со своими кодексом поведения и критериями исполнения, не для всех достижимыми. Однако с лингвистической точки зрения есть другие трудности, лишь частично облегчаемые очень немногочисленными серьезными работами по переводу, то есть очевиден недостаток связи с теорией и особенно отсутствие в принципе необходимой связи между процессом и продуктом перевода с интеллектуальной традицией, которая послужила бы опорой в работе, в части лингвистики и психологии. Среди дисциплин прикладной лингвистики Перевод совершенно отличается от, например, преподавания языка или, в особенности, патологии речи.

Коротко говоря, много было написано и сказано о Переводе как о передаваемом ремесле, и гораздо меньше о Переводе как

интеллектуальном предмете, его научном исследовании и изучении (хотя опять-таки имеются исключения, подтверждаемые в этой книге). Однако следует подойти к вопросу внимательно и реалистично. Перевод является ярко выраженным профессиональным родом деятельности, со своими целями и задачами. Он выполняется для заказчика. Он за редкими исключениями не допускает досужих рассуждений по поводу исследуемых вопросов, почему да отчего. Тем не менее, на переводчиков как на прикладных лингвистов все-таки накладываются определенные обязательства по содействию понимания нами языка и нашей способности объяснять акты коммуникации, которыми мы постоянно заняты, и это является основной причиной появления данной новой книги в **Серии Прикладная лингвистика и языкознание**.

Роджер Белл подходит к этим вопросам системно, начиная во многом аналогично мне лингвисту, хотя и с точки зрения человека профессионально занимающегося Переводом. Книга состоит из трех частей: с фокусом на *модели*, с фокусом на *значении* и с фокусом на *памяти*, каждый из трех терминов сам по себе, как во многом и термин «Перевод», является непростой метафорой. К примеру, *модель* — это не просто теоретическая конструкция, набор принципов для понимания естественного явления, изложение с объяснением, это также модель в смысле цели и задач, показатель, по которому определяют и оценивают переводчика и переводы. Если хотите, это модель, как процесса перевода, так и переводческой компетенции. Аналогично, *значение* — это не только средство для обозначения смысла, а гораздо более широкое понятие, соответствующее *пониманию*, объединяющее интерперсональное и прагматическое с идеациональным и текстуальным. Это расширение, конечно, существенно важно, так как те, чей взгляд на перевод неизбежно сужен до возможностей машинного перевода, увидят значение в переводе как «просто вопрос воспроизведения идей и фактов», как недавно высказывались о задачах Перевода. *Память* завершает проверку метафорической интерпретации даже сегодня во времена сложных экспериментов в области психологии и нейробиологии. Здесь при этом вспоминается высказывание Розеса, что «изучение биохимии и анатомии памяти похоже на изучение химии и устройства записывающей головки у магнитофона и кассеты магнитной пленки. Для того чтобы узнать, как работает магнитофон,

его необходимо изучить. Но никакое количество обнаруженной информации при таком изучении не даст возможности предсказать сообщение на пленке. Для того чтобы узнать, что там, надо включить магнитофон». Память не только нейронна, она также контекстно-зависима. Во многом вызов из памяти выводится из действия и неизбежно связан с задачей.

Попытка книги Роджера Белла охарактеризовать процесс перевода очень похожа на попытку «включить магнитофон». Он приводит доводы, требующие как понимания лингвистической текстуры в терминах структуры и дискурса, так и понимания обработки текста в терминах конструкции и интерпретации, объединяет лингвистику с психологией, разбираясь в том, что это, что делают переводчики, когда переводят. Такой подход, конечно, превращает проблему, обозначенную в начале Предисловия, в решаемую гораздо проще. Это дает переводчикам оправдание для анализа текстов, которые они переводят, и текстов, которые они сами создают. То, что они делают в контексте их профессиональной работы, несомненно, означает то, что необходима модель, в терминах которой описывается, подтверждается и объясняется по-иному то, что они сделали. Подход профессора Белла предлагает лингвистические методы для переводчиков по существу сопоставительного и сравнительного характера. Вполне понятна мотивация этого предложения. Остаются вопросы, достаточно естественные, о выборе лингвистической модели и отборе единицы анализа, с опорой на которую фокусировался бы объяснительный перевод. Как и автор, я присоединяюсь к той точке зрения, что системная лингвистика предлагает удобный инструмент не только из-за фокуса на предложении, но также и из-за важности гармоничного сочетания социальных и психологических факторов. Глава четыре, в частности, в резюме перечисляет дескриптивный аппарат такой модели и соединяет ее с предшествующей главой три, с фокусом на значении как смысл, и с главой пять с фокусом на значении как употребление.

Однако все это можно понять с точки зрения лингвиста, к его радости, но не обязательно с точки зрения переводчика. Что такого особенного, мимо чего невозможно пройти не заметив, может привести перевод в работу лингвиста? С одной стороны, мы можем привести в качестве аргумента, что лингвисты в возможности поиска универсалии на материале конкретных языков, исходят из сравнений

и эквивалентов, установленных переводчиком в его профессиональной работе. Возможность поиска неуловимых *tertium comparationis*, что дает основу для обсуждения оригинального и переведенного текстов. Более того, если бы исследование перевода фокусировалось только на этом, возможность перевода (или точнее процесса перевода) давала бы лингвисту понимание того, как мы все-таки конструируем текст и как мы все-таки приходим к тому, что создаем значение. Короче говоря, это концентрирует внимание на процессе очень ощутимым и целенаправленным путем. Не то чтобы ответственность за этот недостаток исследовательской деятельности возлагалась конкретно и исключительно на переводчиков. С другой — не менее важно заметить и то, насколько мало внимания было уделено переводу в научных трудах по прикладной психологии. Из Сиднея эту ситуацию можно было бы обозначить известным выражением — *terra australis incognita*. Именно это полное отсутствие психолингвистических исследований восполняет книга Роджера Белла. Представление о значении текста является вопросом не только социолингвистическим, это также психолингвистический вопрос. И именно он находится в фокусе третьей части книги. Третья часть книги напоминает лингвистам о необходимости принимать перспективу обработки языка в расчет анализа. Это измерение представляется особенно интересным при текущей работе в сфере искусственного интеллекта и использования компьютеров для автоматического парсинга и анализа. Тем не менее, существует достаточный простор для маломасштабного экспериментирования с факторами, воздействующими на процесс конверсии создания текста, каковым является перевод. Книга «**Перевод: процесс и продукт**» как раз это и подчеркивает.

Профессор Кристофер Н. Кандлин
Главный редактор
1991

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга появилась в результате ощущения крайней неловкости и озадаченности из-за отношения к переводу уже на протяжении длительного времени как теоретиков перевода, с одной стороны, так и лингвистов — с другой.

Теоретики перевода, за редкими исключениями¹, не очень последовательно используют методы и взгляды современных лингвистов (лингвистов порядка последних двадцати лет), а лингвисты, со своей стороны, в лучшем случае нейтрально относятся к теории перевода, а в худшем — вообще не приемлют ее.

Подобное положение вещей представляется парадоксальным, когда признана цель перевода — трансформация текста оригинала на одном языке в эквивалентный текст на другом языке с сохранением, насколько возможно, содержания, формальных свойств и функциональной роли оригинального текста (обычное определение, которое мы будем значительно видоизменять в ходе изложения). Действительно странно, что перевод фактически не вызывает интереса у лингвистов, ведь объяснение явления перевода представляло бы вызов для лингвистики и было бы прекрасной проверкой ее на прочность.

Не менее трудно понять, как теоретики перевода могут выйти за рамки субъективной и нормативной оценки текстов без опоры на фундаментальные понятия лингвистики. Необходимость овладения накопленными знаниями о природе и функции языка и методологией лингвистического исследования должна становиться все более и более настоятельной и все менее и менее спорной, если роль теории перевода в том, чтобы избавиться от анекдотичного индивидуализма и тенденции приводить произвольные перечни «правил» для создания «правильного» перевода и заняться системным и объективным описанием процесса перевода.

Следующие положения легли в основу этой книги:

(а) то, что парадокс, который мы описываем, возникает в результате фундаментального непонимания, что такое перевод, как теоретиками перевода, так и лингвистами;

(б) то, что это непонимание неизменно приводило к провалу попытки создать такую теорию перевода, которая могла бы в целом быть удовлетворительной и в теоретическом и в прикладном смысле;

(в) то, что одновременно происходят захватывающие открытия в когнитивистике, в области разработки искусственного интеллекта и лингвистике текста и появление заложенной на подлинно социальной и семантической базе функциональной теории лингвистики — Системной лингвистики, делает настоящий момент идеальным для того, чтобы попытаться разрешить этот парадокс и разработать адекватную теорию перевода.

В 1961 году Хэллидей написал работу по лингвистике и машинному переводу², в которой делает ремарку:

«Было бы интересно определить лингвистическую модель процесса перевода, опираясь не на какие-либо предвзятые представления вне сферы исследований лингвистики, а на основе лингвистических концепций, релевантных для описания языков как независимых модусов деятельности».

Именно эту задачу мы и поставили перед собой: моделирование процесса перевода, исследование его на основе Системной модели языка.

На то имеются две причины: одна — внутренняя, другая — утилитарная. С точки зрения лингвистики мы считаем, что попытка создать такую модель по существу интересна и ценна как средство для проверки теории и для исследования использования языка. С практической стороны мы признаем, что в быстро меняющемся мире, в котором знания увеличиваются невиданными темпами, распространение информации начинает все больше зависеть от квалифицированного и качественного перевода.

Цель данной книги, таким образом, состоит в том, чтобы (1) в общих чертах представить виды знаний и умений, которые, мы считаем, должны быть основой практических навыков переводчика, и (2) встроить их в модель процесса перевода. В конечном счете, мы надеемся, что модель внесет свой вклад в создание интеллектуально-удовлетворительной и применимой на практике теории перевода в пределах широко определяемой предметной области прикладной лингвистики.

Структура книги отражает лежащее в основе ее убеждение: прежде всего необходимо как с теоретической, так и с практической точки зрения описать и объяснить процесс перевода. Подобная модель будет локализована в пределах области человеческой коммуникации и обязательно будет опираться на психологию и лингвистику.

Это приведет к развитию компетенции при использовании психологической и психолингвистической моделей памяти и обработки информации, с одной стороны, и лингвистической модели значения (в самом широком смысле слова), включая значение единиц «больших чем предложение», — с другой.

По этой причине книга разделена на три неравные части: *Модель, Значение, Память* (термины заимствованы из известной книги Стевика по обучению языкам³). Преобладание Части 2 (Значение) подчеркивает главенство значения для перевода, как при подходе с теоретических позиций, так и в практическом плане.

Имеется, однако, структурная проблема, с которой столкнулся автор. Главенство «значения» несомненно, как и необходимость представить модель процесса и обосновать модель с точки зрения лингвистики и психологии, которые ее подкрепляют. Проблема формулируется просто: что должно идти первым, изложение или обоснование?

Есть два очевидных решения, если мы принимаем, что модель и обоснование — это две стороны «значения»: (а) модель + обоснование или (б) обоснование + модель.

Мы выбрали первое: сначала представить модель процесса, хотя это невозможно, не привлекая материалы лингвистики и психологии, от которых он зависит. Это, конечно, менее эффективно в некотором смысле, однако преимущество тут в том, что меньше испытывается терпение читателя, чем при втором решении. Читатель, тем не менее, сталкивается с трудностями в связи с необходимостью возвращаться от модели к обоснованию и от обоснования к модели, но, учитывая линейную природу книги и физические аспекты процесса чтения, это представляется неизбежным, ведь это книга о теории перевода, а не детектив!

Возможно, полезно здесь перечислить основные вопросы по каждой главе, признавая при этом, что многие из них имеют тенденцию снова возникать и выходить за рамки границ главы.

Часть 1 включает две главы, которые фокусируются на двух довольно разных проблемах: 1. Общее вводное обсуждение природы перевода и 2. Представление схемы модели перевода.

Глава 1 отвечает на вопрос «Что такое перевод и как лучше всего описать и объяснить его?» Отвечая на этот вопрос, мы отделяем процесс перевода от продукта перевода и предлагаем построение модели процесса перевода в качестве первого шага в направлении к многодисциплинарной общей теории перевода.

Глава 2 отвечает на вопрос «Что такое модель перевода?» и, перед тем как представить модель, ставится связанный с этим вопрос: «Какими знаниями и умениями должен обладать переводчик для того, чтобы заниматься переводом?», т.е. как квалифицировать переводческую компетенцию?

При определении переводческой компетенции необходимо обратиться к знаниям (лингвистическим и реального мира) и насущным практическим навыкам чтения и письма. Исходя из такого понимания, мы подходим к основному вопросу книги: «Что делают переводчики, когда переводят?» Для ответа на данный вопрос мы приводим первоначальную интегрированную модель процесса перевода, которая поднимает ключевые проблемы, занимающие наше внимание всю остальную часть книги: природа «значения» и хранение и обработка информации в памяти.

Глава завершается разделом, в котором модель используется для того, чтобы показать, как может быть осуществлен короткий перевод (французское стихотворение).

Часть 2 посвящена «значению»: традиционному значению слова и предложения, семантическому смыслу (логическому и грамматическому) и коммуникативной ценности (риторической) и определяет для каждого из этих понятий место в функциональной (системной) модели языка, связывая эти понятия с текстом и дискурсом.

Глава 3 вводит проблему «значения» (на этом этапе довольно упрощенно, как «семантический смысл») путем постановки вопроса: «Что означает данное слово / предложение?» и дает ответ, который знакомит нас с концептами традиционной семантики. Вводится и обсуждается также ряд решающих концептуальных различий, и предлагаются несколько методик для изучения различных аспектов значения.

Различия включают: (а) смысл и референцию, (б) денотацию и коннотацию, (в) гипонимы, синонимы и антонимы, (г) логическое

следование, импликацию и пресуппозицию и (д) пропозицию, предложение и высказывание. Среди методик, которые мы обсуждаем: (1) использование компонентного анализа для определения значения слова, (2) создание семантических и лексических полей и (3) измерение коннотативного значения с использованием семантического дифференциала.

Глава 4 развивает понятие «семантического смысла» путем постановки вопроса «Как логические взаимоотношения организуются и отображаются на синтаксических системах языка и реализуются в виде текста?». Особое внимание в этой главе уделяется природе (1) когнитивного значения и его выражения через системы ПЕРЕХОДНОСТИ, (2) интеракционального значения и его выражения через системы НАКЛОНЕНИЯ и (3) дискурсного значения и его выражения через системы ТЕМЫ. Другими словами, «семантический смысл» расширяется за счет включения идеациональной, интерперсональной и текстуальной макрофункций языка, а также логической, грамматической и риторической систем, которые их реализуют.

Глава 5 завершает исследование «значения» путем переноса фокуса внимания с семантического смысла предложения на коммуникативную ценность высказывания (или текста) постановкой вопросов: (1) «Как текст можно отличить от не-текста?»; (2) «Как предложениям придается определенная коммуникативная ценность?» или «Как получается, что конкретная синтаксическая структура считается речевым актом определенного типа?»; и (3) «Как взаимоотношения между адресантом (говорящим / пишущим) и адресатом (слушающим / читающим) сигнализируются структурой текста? Какое средство используется для их выражения? Какие функции оно имеет?»

Это ведет к расширению схематичной модели вариативности дискурса (введенного в начале Главы 1, в разделе 1.1), которая включает индикаторы диалекта и маркеры стиля (содержание, метод, область) и в следующей главе к обсуждению типов текста.

В части 3 основная тема — «память». Здесь в фокусе внимания находятся два фундаментальных аспекта информации, а именно память и знания, которые являются решающими для любого понимания процесса перевода: (1) специфический вопрос обработки текста и (2) более общий, но связанный с ним вопрос хранения и извлечения информации.

Глава 6 ставит ряд вопросов, которые сконцентрированы на теме обработки текста: (1) «Как распознаются типы текстов?» Этот вопрос ведет к представлению трехуровневой типологии текстов; (2) «Какими знаниями и умениями, позволяющими полностью передавать значение текстов, обладают обработчики текстов?» и (3) «Как коммуниканты активируют имеющиеся у них знания и умения, для того чтобы синтезировать (писать) и анализировать (читать) тексты?»

Глава 7 рассматривает психолингвистические процессы памяти и обработки информации в контексте человеческой коммуникации, что приводит к вопросу: «Как получают информацию и как ее организуют и хранят в памяти?» Это вводит нас в дискуссию о взаимоотношениях между ощущением и восприятием, процессами кодирования и декодирования, а также о природе систем памяти и типов хранимых там входов.

Модель, которая предлагается для этих процессов, представляет особое значение для поставленной нами цели — построения модели процесса перевода. Получение новой информации, интеграция ее в долговременную память и вызов ее, когда возникает в этом необходимость, представляются весьма важными частями знаний и умений переводчика, поэтому, они являются элементами модели, разрабатываемой в этой книге (и, несомненно, любой модели процесса).

Мы убеждены, что именно сейчас чрезвычайно важно попытаться понять, что такое перевод и как он происходит, т.е. приступить к построению интеллектуально и практически удовлетворительной теории перевода. Мы также полагаем, что имеются достаточные основания (как практические, так и теоретические) для выполнения поставленной задачи. Мы надеемся, что эта книга внесет свой скромный вклад в ее выполнение.

Примечания

1. Nida 1964, 1966, 1974; Catford 1965; и ряд континентальных и канадских ученых, таких как Wilss 1980, 1982, 1983; Lefevre 1975 выступает против.
2. Halliday and McIntosh 1961. 137.
3. Stevick 1976. Полное название книги Memory. Meaning and method (Память, значение и метод).